

Н. И. Сезева

А. П. МИТИНСКИЙ: «ХУДОЖНИК — СУЩЕСТВО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ»

Александр Павлович Митинский (1905-1970). График, живописец, пейзажист, автор стилизованных пейзажно-жанровых композиций. Родился в Тюмени. Занимался в Тюменской изостудии (1918; 1920-1923; 1923-1925) у М. И. Авилова, И. И. Овешкова, К. П. Трофимова. Учился заочно в Государственном институте практических знаний в Ростове-на-Дону (1933-1935) и на Центральных курсах повышения квалификации в Москве (1947) у Б. В. Иогансона. Член Свердловского филиала Ассоциации художников революционной России с 1928 г. Член Союза художников с 1934 г. Один из организаторов и первый председатель Тюменской организации Союза художников РСФСР (1944-1949). В 1965 г. передал в дар Тюменской областной картинной галерее коллекцию своих произведений (250 живописных и графических работ). Умер в Тюмени.

Еще в ранней юности, на заре своей жизни Александр Павлович Митинский записал в «заветном» альбоме: «Художник — существо исключительное. Кому, например, труд и работа не в тягость? Для художника они составляют наслаждение в жизни. Кого не привлекают роскошь, моды, обеды, светские развлечения и прочие удовольствия? Художник ими тяготится. Уединение и постоянная работа об усовершенствовании своих произведений — вот истинная жизнь художника, вот его счастье».

Это изречение станет творческим кредо всей дальнейшей жизни Митинского. В нем уже ярко и выпукло просматривается индивидуальность начинающего художника, его своеобразие, намечается путь в будущее, его мечты и желания.

Митинский действительно сознательно и целеустремленно «строил» свою личную жизнь как жизнь художника-творца, художника-гражданина. Он являлся не только свидетелем, но и непосредственным активным участником многих событий художественной жизни Тюмени 1920-1960-х гг. Стоял у истоков становления и развития профессионального искусства в нашем крае. Был инициатором проведения первых городских, а позднее областных художественных выставок. Участвовал в организации Тюменского отделения Союза художников, являясь в течение нескольких лет его председателем. Он также был создателем художественных студий в городе, воспитал в них многих профессиональных художников.

*А. В. Митинский.
Начало 1920- гг.*

Группа художников Тюменской изостудии. Третий слева А. В. Митинский. Первая половина 1920-х гг.

Личная и творческая судьба мастера тесно связана с Тюменью. Здесь он родился, сформировался как художник, здесь протекала вся его биография. Не случайно поэтому Тюмень, ее неповторимые архитектурные ансамбли и памятники, живописные окрестности стали главной темой его творчества. Во время своих ежедневных путешествий по городу он никогда не расставался с карандашом, кистью и альбомом. Художник рисовал все то, что хорошо знал и любил с детства: тихие улочки и кварталы, утопающие в зелени вековых деревьев, бревенчатые избы с резными наличниками и коньками, часовни и церкви близлежащих сел и деревень, монументальные мельницы и амбары.... При всей документальной «портретности» эти пейзажи всегда эмоциональны. Для Митинского постройка важна в соседстве с другими, а также

А. В. Митинский.
Лунная ночь,
Тюмень.
ул. Ванцетти.
1957 г.

состоянием природы — будь то приближение грозы, солнечный день, наступление ночи, утра.

Начиная с 1920-х гг., Митинский на основе богатого документального, натурального материала создавал многочисленные «фантазии» на тему древнерусской архитектуры. Его увлечение историей и искусством Древней Руси, старинными легендами, русскими былинами, волшебными сказками напрямую связано с именем Константина Павловича Трофимова, его студийного преподава-

теля. Под его непосредственным влиянием Митинский создает небольшие, в размер открытки, миниатюры, обращаясь к технике акварели, используя тушь, перо, гуашь, белла. Такие работы художника, как «Кинуло солнце прощальные лучи на терема прадедовские», «По вечерам вставало на небе светило злое», «Время Рюрика», «Русская старина. Смена караула», переносят нас в волшебный мир Древней Руси. Под пером и кистью художника рождалась сказка. Конкретные сибирские постройки благодаря его фантазии превращались в сказочные терема с кружевом наличников, ажуром причелин, резными коньками, крылечками и галерейками, а улицы — в древнерусские города и неприступные крепости. Часто свои композиции Митинский оживлял фигурками путника с посохом, женщины с коромыслом, стражника с секирой, старухи с клюкой....

*А. В. Митинский.
Тюмень XVII в.
(фантазия).
1924 г.*

Художник стремился наполнить городской пейзаж поэзией прошлого, передать дух давно ушедших веков. В этом ему близко творчество таких художников, как Н. Рерих, И. Билибин, братья Васнецовы. Все миниатюры выполнены им в подчеркнуто стилизованной, плоскостно-декоративной и линейно-узорчатой манере. Насыщенный яркий цвет, собранный в звучные локальные пятна, ограничен четкими контурными линиями, гибкими, плавными, придающими особую мелодичность работам.

Начиная с 1930-х гг., Митинский стремился также с любовью показать облик новой Тюмени. Более всего его привлекали пейзажи бурно строящегося города: мотивы многоэтажных зданий, пристани и причалы, новостройки. В одном из поздних писем художник писал: «Мысль моя такая — показать старую и новую Тюмень.

*А. В. Митинский.
Городки.
1923 г.*

Нужно только это так сделать, чтобы и публику заинтересовать и чтобы все это представляло художественную ценность, а это трудно. Да, я люблю свой город, где становится все лучше». Так, в течение десятилетий с 1920-х по 1960-е гг. художник работал над серией «Старая и новая Тюмень». Ее с полным правом можно назвать своеобразным художественным дневником мастера, в котором повторяются и перекликаются все темы его уединенных прогулок по городу и его окрестностям. Вслед за русским поэтом конца XIX-начала XX вв. М. Волошиным, этим удивительным «путником по Вселенной», Митинский мог бы сказать: «Это страна, по которой я гуляю ежедневно,.. которую я знаю наизусть и за изменением лица которой я слежу ежедневно».

Любовь к русской старине и национальному колориту, сибирской деревне и тихим, патриархальным улочкам и кварталам родного города будет и в последующем до конца жизни освещать творческий путь художника. Эту любовь к городу он сумел также передать многочисленным своим ученикам.

Педагогическая деятельность Митинского — это предмет специального исследования. Исследования очень важного — нет труднее вопроса, чем вопрос о том, как и чему учить будущего художника.

В течение 30 лет Митинский преподавал рисование и черчение в школах, высших и средних специальных учебных заведениях — техникумах, рабфаках, институтах нашего города. Можно с полным правом сказать, что нескольким поколениям тюменцев была привита любовь к изобразительному искусству. Его бывшие ученики стали художниками, музыкантами, писателями, среди них уроженец города Тюмени, а ныне Почетный гражданин города Екатеринбурга, лауреат многих престижных литературных премий, член Союза писателей России Владислав Петрович Крапивин. В автобиографической повести «Золотое колечко на границе тьмы» писатель тепло вспоминает о любимом учителе. Отрывок из этого произведения мы предлагаем вниманию читателей.

А. В. Митинский.
Деревня Фуфаева.
Весенний день.
1942 г.

Владислав КРАПИВИН
«ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО НА ГРАНИЦЕ ТЬМЫ»
(Лунные истории)

А. В. Митинский.
Внутри Кремля
(фантазия).
1922 г.

В учителе рисования Александре Павловиче Митинском души не чаяли все поколения школьников. Даже довоенные. Мне об этом рассказывали Сергей и Людмила.

Полный, высокий, лысоватый, с круглым добродушным лицом, он казался нам воплощением радости. И всепрощения. Не помню, чтобы он кому-то поставил двойку, повысил голос или выставил из класса развеселившееся сверх меры чадо. А надо сказать, на уроках Александра Павловича мы не блистали дисциплиной. Были там постоянный смех и болтовня.

Впрочем, и рисовали охотно. Умел Александр Павлович даже скучное срисовывание кувшинов и гипсовых фигур подать как дело весьма азартное. А еще больше нравилось нам, когда он предлагал:

— Сегодня рисуйте что хотите, развивайте воображение.

Мои рисунки Александр Павлович весьма одобрял — особенно фрегаты и бриги с полными парусами и хитрой путаницей такелажа.

Шуточки наши, подчас весьма вольные, сносил с несокрушимым терпением, разговаривал как с равными и, случалось, на переменах угощал помидорами из собственного огорода.

Был Александр Павлович Митинский известным в Тюмени художником, устраивал свои выставки. А на уроках не раз, посмеиваясь, говорил:

— Вот выберу время, возьмусь за большое полотно. Напишу портрет девочки-отличницы на фоне цветущих яблонь. Будет называться «Весна нашей жизни». Отвезу в Москву. Тогда уж точно заработаю Сталинскую премию.

— Зачем девочку рисовать! — возмущались мы. — Лучше пацана! Вы же в мужской школе работаете!

— Ха! Пацана! Да кто же мне даст премию за таких пиратов! Посмотрите на себя!

— Не-е! Мы хорошие!

А. В. Митинский.
Последний день
весны.
1942 г.

Александр Павлович не спорил: конечно, хорошие. Но для премии этого мало. Требованиям, которые предлагает живописным полотнам метод социалистического реализма, мы все равно не соответствуем.

— Знаете, что такое социалистический реализм?

— Не-е! Мы еще не проходили!

— Это когда мальчик умытый, причесанный, с пятерочным дневником под мышкой смотрит в светлую даль. А вы куда смотрите?

— На вас, Александр Палыч!

— Ну, это ничего, это тоже можно. Но лучше смотрите на вазу. Вы ведь ее рисуете, а не меня.

В тот день, о котором я пишу, Александр Павлович снова решил нам рисовать, что душа пожелает (еще одна удача!), а сам начал показывать свои акварели. Главным образом, пейзажи.

— ...А вот это я написал совсем недавно. Недалеко от дома, на Ямской улице. Зимний вечер, новолуние. Видели когда-нибудь такой месяц?

Над заснеженными крышами еще не совсем растаял заката. А высоко в сиреновом небе висел пепельный круг, опоясанный тонким и очень ярким полумесяцем.

Конечно, мы такое видели! По крайней мере, я видел! Не раз! Серый, слегка проступающий в морозном небе диск — это темная Луна. А месяц — ее вызолоченный солнцем край!

И опять коснулась меня зимняя лунная сказка — пахнувшая сугробами и волшебством.

...А потом было продолжение сказки наяву. Когда я шел домой, вечернее, уже угасшее небо совсем очистилось от облаков. Кусался морозец, загорались звезды и светил над черным кружевом тополей тот самый месяц — опоясавший пепельно-серую круглую Луну.

И стало мне так хорошо, что даже домой идти расхотелось. Шагать бы так и шагать по вечерней улице, пока впереди не увидишь какое-нибудь чудо.

Чуда я не увидел, но под скрип валенок легко, словно сами собой, сложились стихи:

Словно лук волшебный,
Тонок и упруг,
Опоясал месяц
Темный лунный круг.

Сперва были эти четыре строчки. А уж после, в феврале, когда я опять увидел такой месяц, придумалось окончание:

Под усталым снегом
Спит еще земля,
Но весны начало
Чуют тополя.

Потому что и в самом деле угадывалось в воздухе дыхание близкого марта.

Летом девяносто первого года я с младшим сыном Алешкой на несколько дней приехал в Тюмень — повидать друзей, побродить по знакомым местам. Однажды мы оказались на берегу Андреевского озера, в гостях у морского скаутского отряда. Ребята попросили в соседнем яхт-клубе большую яхту типа «Солинг» — для нашей прогулки по озеру. С нами пошли на яхте молодой начальник парусной базы Юра и его жена Марина.

Алешка — человек в парусном деле опытный, яхтенный рулевой завладел румпелем, а мы втроем болтали о том, о сем, вспоминали общих знакомых.

— Вы в какой школе учились? — спросила Марина.

— В разных. А начиная с пятого класса — в двадцать пятой, на Первомайской.

— Тогда вы, может быть, знали учителя рисования Митинского!

А. В. Митинский.
Без названия.
1949 г.

А. В. Митинский.
Старый
архитектурный
мотив.
1942 г.

— Александра Павловича! Да Боже ж ты мой! Кто же его не знал? У него и мои брат с сестрой учились! И с отцом моим они были приятели!

— А я — его внучка.

Ну что тут скажешь! В самом деле «тесен мир».

Александра Павловича давно уже не было в живых. Мы вздохнули, вспомнив замечательного учителя и замечательного деда. Я рассказал, как в пятьдесят шестом году, перед самым окончанием школы, я помогал Александру Павловичу развешивать в областном музее работы для выставки. Вернее, мы втроем помогали — я и мои друзья Валерка и Юрий.

— Особенно много у Александра Павловича было миниатюр. Он их называл открытками. Яркие такие, глаза разбегались.

Внучка Марина задумчиво кивала. Громко журчала кильватерная струя. Ветер подналег на парус, и Алешка от руля напомнил нам, матросам, что надо не зевать, а откренивать яхту.

Осенью от Марины и Юры пришло письмо. В нем оказались две «открытки» — акварельные миниатюры Александра Павловича Митинского. Одна — совсем давняя, двадцать четвертого года. На ней сказочный русский городок. Вторая написана в пятьдесят шестом. Зимнее село Ивлево. Я их застеклил в одной общей рамке и повесил рядом с камином, где стоит глиняный Пограничник, мраморный кролик, старинное зеркальце и фотографии отца с его родителями.

На акварели с заснеженным селом Ивлевом уютно светятся окошки.

Очень хочется написать, что над крышами висит знакомый месяц. Но правда есть правда: месяца там нет, видимо, еще не взошел...